

перевод
НИКИТЫ
БЕЛОБОРОДОВА

Э Л И С КЕЛЛЕН ВСЁ, ЧТО МЫ ОБРЕЛИ

18+

New Adult

МИОО

Элис Келлен
Всё, что мы обрели
Серия «Red Violet. Романы New Adult»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69504265

Элис Келлен. Всё, что мы обрели: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2023

ISBN 9785002141746

Аннотация

Три года назад Аксель разбил ей сердце. Три года назад Лея потеряла человека, который стал частью ее самой. Три года назад они расстались, думая, что никогда не встретятся вновь. Пока Лея отдает всю себя живописи и обретает спокойствие в отношениях с надежным и верным Лэндоном, Аксель впервые узнает, что значит потерять нечто настолько ценное: не близость на одну ночь, а связь, проросшую в самое сердце. Но жизнь вновь сталкивает их лицом к лицу, когда мечта Леи осуществляется: ее триптих «Любовь» участвует в выставке в Ред-Хилле. Теперь им предстоит вспомнить прошлое и решить: отпустить друг друга навсегда или все же рискнуть и довериться судьбе.

Для кого эта книга

Для тех, кому понравился роман «Всё, что мы потеряли» и кто хочет узнать, что будет с Акселем и Леей.

Для поклонников чувственных, смелых и эмоциональных романов.

Для читателей Моны Кастен, Эммы Скотт, Стеллы Так и Мерседес Рон.

Для тех, кто любит драматические и трогательные истории, которые бьют прямо в сердце.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

От автора	8
Пролог	9
Ноябрь. (Весна. Австралия)	10
Декабрь. (Лето. Австралия)	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Элис Келлен

Всё, что мы обрели

Original title:

Todo lo que somos juntos

by Alice Kellen

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Alice Kellen, 2019

© Editorial Planeta, S. A., 2019

Av. Diagonal, 662–664, 08034 Barcelona

www.editorial.planeta.es

www.planetadelibros.com

Author represented by Editabundo Agencia Literaria S.L.,
Agent for foreign and audiovisual rights Book & Film Rights
(Grupo Planeta)

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО
«Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

От автора

Во всех моих романах присутствуют песни, сопровождавшие многие сцены, запечатленные на бумаге. Музыка – это вдохновение. В данном случае это нечто большее. В определенные моменты это своего рода обертка, нить, которая ведет за собой персонажей. Вы можете найти полный список песен, которые я слушал, пока писал эту историю, но, если хотите, предлагаю вам послушать некоторые из самых важных в тот момент, когда они упоминаются в романе. В [главе 50](#) – *Too young to burn*. В [главе 48](#) – *Let it be*. И в [эпilogе](#) – *Twist and shout*.

Пролог

Меня пугало, что грань между ненавистью и любовью так тонка и малозаметна, что я могу одним рывком сорваться из одной крайности в другую. Я любила Акселя, я любила его всем нутром, глазами, сердцем; все мое тело реагировало, когда он был рядом. Но другой своей частью я так же ненавидела его. Ненавидела за воспоминания, за слова, так и не сказанные, за обиду, за прощение, что не могла дать ему с распростертыми объятиями, как бы мне того ни хотелось. Глядя на него, я видела черное, красное, скрытый пурпур; эмоции переполняли меня. И чувствовать к нему нечто столь хаотичное было больно, потому что Аксель был частью меня. И всегда будет ею. Несмотря ни на что.

Ноябрь. (Весна. Австралия)

1. Лея

Я еще не открыла глаза, когда почувствовала, как его губы скользят по изгибу моего плеча, затем двигаются чуть ниже, оставляя цепочку поцелуев возле моего пупка; сладкие, нежные поцелуи, такие, от которых невольно вздрагиваешь. Я улыбнулась. Улыбка вскоре исчезла, когда я ощутила его теплое дыхание у своих ребер. Рядом с ними. Со словами, которые Аксель однажды вывел пальцами на моей коже, с этими *Let it be*, что были теперь татуировкой. Я суетливо зашевелилась и открыла глаза. Положила руку ему на щеку и потянула к себе, его рот встретился с моим – и меня охватило спокойствие. Мы разделись в тишине умиротворенного солнечного

утра субботы. Я обняла его, когда он в меня вошел. Медленно. Глубоко. Легко. Я изогнула спину, захотев большего – последнего толчка, жесткого и напористого. Не случилось. Я просунула руку между нами и стала трогать себя пальцами. Мы кончили одновременно. Я тяжело дышала. Он постанывал, произнося мое имя. Он отодвинулся на бок, и я уставилась в гладкий белый потолок комнаты. Потом приподнялась с постели, и он взял меня за запястье.

– Уже уходишь? – голос его был мягок.

– Да, у меня много дел.

Я встала и босиком подошла к стулу, где вчера вечером оставила одежду. Лэндон наблюдал, как я одевалась, все так же лежа в постели и закинув руки за голову. Я поправила тонкий пояс юбки и натянула майку. Перекинула через плечо портфель, подаренный братом на Рождество, и по пути к двери собрала волосы в хвостик.

– Эй, погоди. Поцелуй перед уходом, да?

Улыбаясь, я подошла к кровати и наклонилась поцеловать его. Он ласково погладил меня по щеке и удовлетворенно вздохнул.

– Увидимся вечером? – спросил он.

– Не могу, буду в студии допоздна.

– Но сегодня же суббота. – Он был настойчив. – Давай, Лея.

– Извини. Поужинаем завтра?

– Хорошо.

– Я позвоню.

Я спустилась по лестнице из дома. Дневной свет тепло встретил меня под сероватым небом. Я достала из портфеля наушники, взяла леденец и сунула в рот. Проскочила пешеходный переход ровно в ту секунду, когда светофор загорался красным, и пересекла усеянный цветами сквер, служивший коротким путем к моей студии. На самом деле не моей, не совсем. Но я много работала тогда, в студенческие годы, чтобы получить стипендию, позволившую мне иметь небольшое помещение.

Когда я пришла, все было пропитано запахом краски. Я бросила свое барахло на круглое кресло и взяла халат, висевший за дверью. Завязывая пояс, подошла к картине, возвышавшейся на старом чердаке. Меня охватил трепет от созерцания тонких линий изгибающихся волн, пенных брызг и переливающегося солнечного света, который, казалось, скользил по холсту. Я взяла деревянную палитру и смешала несколько оттенков, не отводя глаз от холста, который будто бросал мне какой-то извращенный вызов. Подняв кисточку, я заметила, как рука дрожит от нахлынувших воспоминаний. У меня схватило живот, стоило лишь вспомнить ночь, когда мне пришлось бежать туда, повинувшись внезапному желанию изобразить тот участок пляжа, что был так хорошо мне знаком, хотя прошло уже три года с тех пор, как я была там... Три года без этого кусочка моря, что так не похож на другие. Три года, за которые я здорово изменилась. Три

года, что я не видела его. Три года без Акселя.

2. Аксель

Я скользил по стенке волны в слабом свете зари, пока не упал в воду. Погружаясь, закрыл глаза, и звуки внешнего мира стали далеки. Я сделал толчок вверх и понял, что тону. С некоторым усилием мне удалось ухватиться за доску для сёрфинга. Сделал глубокий вдох. Снова и снова. Но ни один из этих глотков воздуха не насытил мои легкие. Я остался там, дрейфуя в одиночестве своего моря, глядя на пенный след и рассеянный свет, пробивавшийся сквозь волны, и гадал, когда же снова смогу дышать.

3. Лея

Я работала всю неделю без перерыва. Порой меня пугала мысль, что это даже не работа, а скорее необходимость или смесь того и другого. Живопись была двигателем моей жизни, причиной, по которой я держалась, была сильной, полной всего, что нужно запечатлеть и излить. Помню, однажды Аксель спросил меня о том, как мне удалось это сделать, а я ответила, что не знаю – просто сделала это.

Я не знала – просто сделала это. Задай он мне этот вопрос некоторое время спустя – ответила бы иначе. Призна-

лась бы, что это был мой выпускной клапан. То, что мне было не под силу выразить словами, я передавала цветами, формами и текстурами. Я бы сказала, что это самое мое и только мое, как ничто другое в мире.

Не будь это мой день рождения, я бы осталась в ту ночь рисовать на своем маленьком чердаке до самого утра, как часто делала по выходным, но университетские друзья настояли на вечеринке, и я не могла отказаться. Я одевалась, вспоминая звонок Блэр за несколько часов до этого: она поздравила меня и попутно поделилась новостью, что ребенок, которого она ждет от Кевина, будет мальчиком. Это был лучший из подарков, которые я собиралась получить в тот день. Я подошла к зеркалу заплести волосы. Они были очень длинными, и я редко их распускала; несколько раз подумывала состричь, но шевелюра напоминала мне о днях, когда я гуляла босиком и жила в доме вдали от остального мира, о днях, когда я не слишком беспокоилась, расчесывать мне волосы или нет. Даже это изменилось. То, как я стала одеваться, – более тщательно. Я старалась контролировать себя, если чувствовала какой-то побудительный импульс, потому что усвоила: импульсы не всегда ведут по верному пути. Я прилагала усилия, чтобы быть спокойнее, обдумывала все, прежде чем нырять в пустоту, и взвешивание последствий доставляло мне беспокойство.

Вновь зазвонил телефон. Как всегда, мое сердце словно пропустило один удар – стоило увидеть на экране эти имя

и фамилию: Джорджия Нгуен.

Я перевела дыхание и сняла трубку.

– С днем рождения, дорогая! – закричала она. – Двадцать три года уже. Не могу поверить, как быстро летит время: кажется, еще вчера гуляла с тобой в саду, держа на руках, чтобы ты не плакала.

Я села на край кровати и улыбнулась.

– Спасибо, что позвонила. Как вы там?

– Вот, почти садимся в самолет, в зоне посадки. – Она разразилась смехом, как ребенок, потому что ее муж, видимо, пытался пощекотать ее, чтобы забрать телефон. – Хватит, Даниель, я сейчас передам тебе! Говорю, дорогая, мы в аэропорту Сан-Франциско, и через час отправляется наш рейс в Пунта-Кану.

– Какой у вас маршрут! И как я вам завидую!

– Я позвоню тебе на днях, поговорим более спокойно и без помех.

– Не волнуйся, дай Даниелю.

– С днем рождения, Лея! – тут же воскликнул он. – Будешь праздновать с коллегами? Хорошо провести время. Развлекайся.

– Спасибо, Даниель. Я попробую.

Я повесила трубку и несколько секунд стояла, с тоской глядя на экран телефона и прокручивая все поздравления, которые получила в тот день... и те, которые не получила.

Это было глупо. Как многое из того, что время от вре-

мении обрушивалось на меня, ведь, в конце концов, в памяти людей остаются детали, которые выглядят незначительными, но именно они оказываются действительно важны. Аксель всегда был важным гостем на всех моих днях рождения; единственным человеком, которого я хотела видеть, когда наступало время праздновать; тем, кто дарил подарки, нравившиеся мне больше всего; тем, кто исполнял мои желания, когда я задувала свечи, будучи совсем еще маленькой девочкой. Казалось, прошла целая вечность... Я снова взглянула на свой мобильный. Не знаю, чего я ждала, но звонка не было.

Я глубоко вздохнула и встала, чтобы подойти к длинному зеркалу, все так же стоявшему у стены, на том самом месте, где Оливер поставил его почти три года назад, когда я импульсивно купила его в магазине неподалеку от дома.

Я небрежно потрогала кончик косы, разглядывая свое отражение. «У тебя все будет хорошо, – повторяла я про себя скорее по привычке, чем для чего-то еще. – Все будет хорошо».

Уже смеркалось, когда я вышла на улицу прогуляться до ресторана, где мы договорились встретиться. Не успела я сделать и пары шагов, как появился он.

– Что ты здесь делаешь? – засмеялась я.

– Хотел составить тебе компанию. – Лэндон протянул розу и медленно поцеловал меня.

Я посмотрела на цветок, когда Лэндон выпрямился, и погладила алые лепестки. Поднесла к носу, чтобы понюхать, и мы двинулись дальше в тихом темпе.

– Расскажи, чем занималась сегодня – насыщенный был день?

– Да, я как раз заканчиваю картину... – Я сглотнула, вспомнив тот кусочек моря, что был таким моим, таким нашим, и покачала головой. – Не хочу утомлять. Давай ты о себе.

Лэндон рассказал, как прошла его неделя, как усердно он работал над проектом, который готовил для диплома по бизнесу, как он с нетерпением ждал встречи со мной последние три дня, когда у нас не было свободного времени, какой красивой я была той ночью...

Заметив ресторан, мы замедлили шаг.

– Надеюсь, тебе понравится твоя неожиданная вечеринка, – пошутил он, но затем стал серьезен. – Все здесь. Иногда, когда ты замыкаешься в себе и у себя на чердаке, я беспокоюсь о тебе, Лея. Хочу, чтобы ты получила удовольствие от сегодняшнего вечера.

Меня тронули его слова, я крепко обняла его.

Обещала ему получить удовольствие.

Мое лицо расплылось в улыбке, когда мы переступили порог ресторана и увидели наших друзей, поднимающихся из-за заднего столика и поющих Happy Birthday. После объятий и поцелуев мы уселись рядом. Приехали почти все,

кто был частью моей жизни в Брисбене: некоторые одноклассники, Морган и Люси, девушки, с которыми я познакомилась в первый месяц в общежитии и с тех пор не расставалась. Они первыми предложили подарок. Я развернула его с осторожностью, которая совсем не напоминала некогда одолевавшее меня нетерпение; я сняла ленту ногтем, сложила бумагу и поблагодарила подруг за то, что они нашли материалы для рисования – то, что, как они знали, было мне нужно.

– Вы невероятны, и вы не обязаны были...

– Не плакать! – тут же вскрикнула Морган.

– Но я и не собиралась...

– Мы тебя знаем, – оборвала меня Люси.

Выражение ее лица заставило меня рассмеяться.

– Хорошо, никаких слез, только веселье! – Я перевела взгляд на Лэндона, который удовлетворенно улыбался и подмигивал мне из-за стола.

К тому времени, когда вечеринка закончилась, было уже позднее утро, и я выпила больше, чем полагалось, учитывая, что на следующий день приезжал мой брат Оливер. Но мне было все равно. Ведь среди огней того места, где мы в итоге заказали несколько напитков, я чувствовала себя хорошо, радостно, окутанная объятиями Лэндона и смехом друзей. Перестала думать о тех, кого уже не было рядом, о хриплом голосе Аксея, поздравлявшего меня, и о том, что

дал бы мне этот год в параллельной реальности, в которой мы все еще были теми же людьми, думавшими, будто никогда не разойдутся.

Мне потребовалось время, чтобы осознать это, но... жизнь продолжалась. Аксель не был судьбой – лишь началом того отрезка пути, что мы рука об руку прошли вместе, пока он не решил свернуть с дороги.

Я легла пьяная в постель, и казалось, что комната кружится. Обняла подушку. Бывали времена, когда я, занятая учебой, почти не думала об Акселе – часами, что трудилась на чердаке, часами, что проводила с Лэндоном или девочками. Но он всегда возвращался. Он. Это чувство, будто я до сих пор ношу его под кожей, беспокоило меня все больше. Воспоминания пробуждались в самый неподходящий момент: от вида незнакомца, держащего сигарету между большим и указательным пальцами, от запаха чая, от песни, от глупого жеста... от любой мелочи.

Я вспомнила, что хранила в верхнем ящике прикроватной тумбочки, но сдержала желание открыть его и взять тот предмет, купленный на блошином рынке вскоре после приезда в Брисбен.

Я плотно закрыла глаза. Все вокруг по-прежнему кружилось.

Мне было интересно, что в этот момент делал он...

4. Аксель

Я в последний раз взглянул на галерею, прежде чем отправиться домой. Снова пошел пешком, потому что никогда не спешил туда – меня никто не ждал.

В тот день я ошибся.

На пороге дома сидел Оливер.

По какой-то причине я был столь же потрясен, что и в первый раз, когда увидел его точно там же четыремя месяцами ранее. Потому что я, конечно, не ожидал этого и потому что... черт, потому что у меня перехватило дыхание, когда я понял, как сильно соскучился по нему за эти годы отсутствия.

Так что Оливер просто вернулся в мою жизнь в один прекрасный день, внезапно – так же, как и ушел.

Я застыл, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы убедиться, что он настоящий; он был такой же, как и прежде, как будто ничего не изменилось. Он посмотрел на меня с опаской, а когда я открыл дверь своего дома и спросил, не хочет ли он войти, он ничего не сказал и просто последовал за мной внутрь. Он взял пиво, которое я протянул ему, мы вышли на террасу и молча выкурили по сигарете. Я не знаю, сколько мы там просидели, несколько часов или всего двадцать минут; я настолько глубоко погрузился в свои мысли, что даже не заметил. Знаю только, что, подсаживаясь,

он обнял меня одновременно сердито и ласково, все смешалось воедино, а вскоре он ушел, не попрощавшись.

Он делал это еще несколько раз. Неожиданно появлялся у меня дома. Я знал, что он приезжал, когда навещал свою сестру в Брисбене; мимоходом он всегда старался зайти, чтобы провести время с моей семьей. В течение трех лет с тех пор, как мы виделись в последний раз, он следовал этому распорядку, не удосужившись зайти и поздороваться со мной. Только спустя некоторое время я понял, что заставило его передумать и постучать в мою дверь. Тогда я его не спросил. Лею мы тоже больше не обсуждали. Это была наша негласная договоренность, и нам не пришлось оглашать правила, ведь мы оба знали, в чем они заключаются. И мы снова стали друзьями. Но эта дружба была... другая, потому что когда что-то разбивается и собирается вновь, то оно уже никогда не бывает идеальным, таким, каким было, – появляются трещины и неровности.

– Не знал, что ты приедешь, – сказал я, когда он навестил меня в четвертый раз.

– Я тоже. – Он направился за мной, когда я вошел в дом. – На самом деле у меня не было свободных дней, но я умудрился в последнюю минуту внести изменения для...

«День рождения Леи». Черт. Я закрыл глаза.

– Пива? – перебил я его.

– Холодного. Чертовски жарко.

– Это нормально, учитывая, во что ты одет.

– Вот что значит не жить как отшельник.

Я покачал головой, еще раз взглянув на его темные брюки и рубашку, в которой было жарко даже с закатанными рукавами.

– Все в порядке, Оливер? – Мы вышли на террасу.

– Да. А как у тебя с галереей? – спросил он.

– Не жалуясь. Это развлекает. Это что-то другое.

Чуть больше года назад я начал работать в той маленькой галерее в Байрон-Бей, в которой когда-то давно мечтал выставить свои работы. И это тоже было связано с обещанием. Но я согласился на ту работу не поэтому, а потому, что... не смог найти причин для отказа. Мне было нечего делать. Мне было скучно. Тишина иногда слишком тяготила. И я подумал, что не помешает время от времени заглядывать сюда и помогать не по графику.

Не ошибся. Это было одно из немногих мудрых решений, принятых за последнее время. Я продолжал иллюстрировать, но стал требовательнее к принимаемым заказам.

Основным условием нормального функционирования галереи является наличие ясного и четкого проекта. Я занимался его составлением, указывая, какое искусство и каких художников мы будем продвигать; это, по сути, было фундаментом, на котором строился бизнес. Владелец, Ханс, был предпринимателем, который время от времени сам заходил к нам и давал мне свободу делать и переделывать все по своему усмотрению, при этом с неизменной поддержкой от ру-

ководительницы Сэм, работавшей полный день.

Первые несколько месяцев было трудно, но в итоге у нас появился более определенный, единообразный и целостный каталог благодаря перекликающейся стилистике художников, представленных у нас. Моя работа состояла в том, чтобы искать художников и убеждать их принять участие в нашем проекте, побуждать их устроить первую выставку в Байрон-Бей, а затем Сэм заботилась о поддержании более тесных отношений. Она была хороша в том, что сотрудники называли «поэзией ее работы», возможно, потому что была милой женщиной, матерью троих детей с бесконечным терпением, способной мириться с эго любого тщеславного художника, на что меня совсем не хватало. Я знал, в чем магия этого процесса для Сэм: видеть, как растут молодые перспективные художники, которым мы доверяли, быть в постоянном контакте с ними и, прежде всего, посещать их студии.

Мне все еще не удавалось полностью включиться в работу.

Было что-то... что-то, что сдерживало меня.

– Скольких художников ты сейчас ведешь? – Оливер с любопытством смотрел на меня, ковыряя край этикетки от пива.

– Я? – Я поднял брови. – Ни одного.

– Ты знаешь, о чем я.

– Их ведет Сэм. Я просто нахожу их и заманиваю в галерею.

Мы молчали, пока солнце опускалось за горизонт. Возвращение Оливера в мою жизнь дало мне ложное чувство нормальности, потому что все, конечно, было по-другому. А может, дело было во мне, сильно изменившемся с тех студенческих лет, когда мы были неразлучны. Он по-прежнему был одним из тех, кого я любил больше всего, но у меня было ощущение, что мы постепенно укладывали между собой кирпичи, пока наконец не построили стену. И даже хуже. Что мы разговаривали через эту стену. И что делать это мы начали еще до моих отношений с его сестрой. Эта уверенность в том, что другой человек слушает и кивает, но не понимает тебя до конца не потому, что не хочет, а потому, что не может. И я ненавидел чувствовать эту непостижимость, заполнявшую пространство, когда мы разговаривали, потому что это напоминало мне, что единственным человеком, который, как я чувствовал, видел меня насквозь, слой за слоем, кусочек за кусочком, была девушка вкуса клубники, по которой я так сильно скучал...

5. Лея

Я очень волновалась, когда преподавательница Линда Мартин позвонила мне после урока, чтобы договориться о времени моих занятий. Так что, ожидая в приемной, я не могла перестать грызть ноготь на мизинце. Минутой позже назначенного времени она открыла дверь кабинета

и улыбнулась мне. Это меня несколько расслабило. Я была так сосредоточена на учебе, что боялась допустить ошибку на последнем экзамене, снизить средний балл или разочаровать кого-то.

Она села на стул, едва я устроилась за столом.

Я прикусила губу, пытаясь сдержаться, но безуспешно.

– Что же я сделала? – пробормотала я.

Я ненавидела эту часть себя. Импульсивную. Ту, что мешала мне управлять своими эмоциями, контролировать их и мало-помалу переваривать. Ту мою скрытую часть, что однажды ночью заставила меня раздеться перед ним с вопросом, почему он никогда не замечал меня. По какой-то причине это воспоминание продолжало возвращаться ко мне.

– Ты ничего не сделала, Лея. Или сделала. Ты много сделала, и сделала хорошо. – Она открыла папку на столе. Достала несколько фотографий, на которых были изображены мои работы. – Я рекомендовала тебя для участия в выставке, которая состоится через месяц в Ред-Хилле. Думаю, ты идеальная кандидатка, так как подходишь по профилю.

– Вы всерьез это говорите? – Я заморгала, чтобы не расплакаться.

– Это будет отличная возможность. Ты ее заслужила.

– Это... Я не знаю, что сказать, мисс Мартин.

– «Спасибо» будет достаточно. Там предполагается всего три работы, но выставка привлечет много посетителей, а это прекрасно. Что думаешь?

– Думаю, что сейчас закричу от восторга!

Линда Мартин разразилась смехом, и после нескольких кратких комментариев я миллион раз поблагодарила ее, вставая и беря портфель. Выходя из здания факультета, я посмотрела на небо и глубоко вздохнула. Ветер был теплым и приятным. Я подумала о своих родителях, о том, как бы они гордились мной, как бы я хотела разделить с ними этот успех... Потом быстро отыскала свой мобильный телефон среди всякого хлама в маленьком кармане портфеля и набрала Оливера. В нетерпении подождала, пока он не ответил после пятого гудка.

– Ты сидишь? – взволнованно спросила я.

– Я... да, ну, в постели. Лежу. Тебе это подходит?

– Ох, блин, только не говори мне, что ты был с Бегой!

– Давай выкладывай, что ты хотела мне сказать.

– Меня выбрали... я буду выставяться... – Я перевела дыхание. – Всего три работы, но это...

– Охренеть, Лея. – На несколько секунд воцарилась тишина, и я поняла, как взволнован брат. И что он встает с кровати, потому что я услышала его шаги, прежде чем он перевел дыхание. – Ты даже не представляешь, как я горжусь тобой. Поздравляю, малышка.

– Это все благодаря тебе, – прошептала я.

И хотя он отрицал, я знала, что это правда.

Когда три года назад все развалилось, я несколько недель злилась на брата и почти не разговаривала с ним. Так я вела

себя поначалу, пока не поняла, что его вины не было. Оливер не принимал решение. Не Оливер все испортил. Оливер не выбирал, каким путем идти. Но в то время я не хотела этого видеть.

Я не хотела признавать, что Аксель сдавался, как только что-то оказывалось выше его сил, что при малейшем осложнении он уходил в сторону, оставляя то, что не мог контролировать, что он никогда не вовлекался до конца ни во что и ни в кого.

Может, это была моя вина, ведь я идеализировала его.

Аксель не был идеалом. Как он сам показывал, в нем были неприятные стороны, те, что нам всем хочется причесать и отполировать, пока они не исчезнут. А еще серые зоны. Достоинства, которые иногда превращаются в недостатки. То, что когда-то было белым, но со временем потемнело: его мечты, его смелость.

Я покачала головой и повернула за угол направо. Позволила в дверь. Лэндон ответил и открыл. Он уже ждал меня, прислонившись к дверному косяку, пока я поднималась по лестнице. Его волосы были взъерошены, а рукава рубашки закатаны; я подумала, что он выглядит привлекательно, и улыбнулась, прежде чем запрыгнуть на него и крепко обнять.

– Какой энтузиазм, – пошутил он.

– Я собираюсь выставить три работы! – закричала я.

– Черт, милая, не могу передать, как я рад...

Я тяжело сглотнула, уткнувшись лицом в его шею, ненавидя, что он произнес это слово, которое я не любила слышать и всегда просила его не использовать. «Милая»... Я продолжала слышать его, произносимое хриплым голосом Аксея. С желанием. С любовью.

Я обняла Лэндона покрепче, заставляя себя не думать ни о чем, кроме хороших новостей. Поцеловав его в шею, поднялась выше и коснулась его мягких губ. Он закрыл дверь, а я обвила ногами его поясницу. Мы перемещались по его квартире, пока он не уронил меня на кровать. Я наблюдала, как он, стоя передо мной, расстегивает рубашку.

– Сейчас вернусь, – сказал он, и через пару минут, когда я услышала шум на кухне, он вернулся с двумя бутылками пива в руках. – Думал, у меня есть бутылка шампанского, но нет. Придется налить это.

– Прекрасно. – Я взяла открывашку и сняла крышки.

– За тебя. – Наши бутылки звякнули. – За твои мечты.

– И за нас, – добавила я.

Лэндон благодарно посмотрел на меня, прежде чем выпить и закончить снимать рубашку. Он лег рядом со мной на кровать и притянул меня к себе. Он поцеловал меня. Приласкал меня. Заполнил меня. Я обвила его ноги своими, думая о том, что ничего не может быть лучше.

6. Лея

С Лэндоном я познакомилась вскоре после того, как приехала в Брисбен.

Мы договорились погулять с Морган и Люси после ужасного дня – такого, какие иногда обрушиваются на меня в первые месяцы и сопровождаются воспоминаниями. Может быть, именно поэтому мне захотелось умыться, так как глаза мои все еще были опухшими от слез, надеть платье, которое я так и не достала из шкафа, и оказаться в баре, чтобы пропустить с ними по стаканчику.

В какой-то момент мы начали танцевать. Когда заиграла медленная песня, я ушла, сказав, что собираюсь заказать еще один напиток, но на самом деле планировала оставить их одних. Сидя на стуле перед баром, я наблюдала за их движениями под музыку, они улыбались и тихо переговаривались.

– Ты рисуешь? – спросил меня один парень.

– Как ты узнал? – нахмурилась я.

– По ногтям, – ответил он, садясь на барный стул рядом со мной и оглядываясь по сторонам в поисках официанта. У него были темно-каштановые волосы, раскосые глаза и заразительная улыбка. – А что именно рисуешь?

– Не знаю. Зависит... – тихо ответила я.

– Вижу. Ты одна из тех загадочных девушек?

– Уверена, что нет, – улыбнулась я, потому что меня забав-

ляла его дедукция. Я была скорее, наоборот, слишком прозрачной. – Просто... день плохой.

– Понимаю, о чем ты. Давай сначала. Меня зовут Лэндон Харрис. – Он протянул руку. Я пожала ее.

– Приятно познакомиться. Лея Джонс.

Мы проговорили всю ночь. Не знаю, сколько было времени, когда я уже достаточно выпила и решила, что выпустить пар с совершенно незнакомым человеком – хорошая идея. Я рассказала ему о смерти родителей, о моей истории с Акселем, о трудных месяцах, проведенных по приезду в Бриббен... обо всем. Лэндон был одним из тех людей, что излучают уверенность. Он внимательно слушал, перебивал меня, когда это было необходимо, и тоже делился подробностями своей жизни: как требовательны были к нему родители, как сильно он любил фотографию и скалолазание, когда удавалось вырваться.

Когда мои подруги собрались расходиться, я сказала им, что останусь с Лэндоном еще ненадолго. Он предложил мне прогуляться до общежития вместе. Когда мы брели по улицам и наши голоса разрывали тишину ночи, я осознала, что уже давно не чувствовала себя так спокойно. Когда мы подошли к двери дома, он немного нерешительно приблизился, оперся рукой о стену и поцеловал меня; это было неловко, но приятно. Он отстранился и посмотрел на меня в оранжевом свете уличных фонарей.

– Ты все еще любишь его.

Это был не вопрос, а просто утверждение, но я все равно кивнула и постаралась не заплакать, потому что мне хотелось, чтобы это было не так; я бы хотела иметь свободное сердце и лучше узнать такого парня, как Лэндон, такого очаровательного. С того дня он стал одним из моих лучших друзей. За следующие несколько лет я познакомилась со многими другими парнями, а у него было несколько девушек, которые оказались не такими, как я ожидала. Я ограничивалась сексом на одну ночь, где искала что-то, чего никогда не находила. Вскоре я поняла разницу между «трахать» и «заниматься любовью», между тем, чтобы воцелеть человека и любить его. Эта грань была прочерчена слишком явно, и я уже не могла представить, что когда-нибудь снова переступлю ее.

Ранним зимним утром, когда я позвонила в дверь его дома со слезами на глазах и колотящимся о ребра сердцем, Лэндон сразу же открыл.

– Что случилось? – спросил он, закрывая дверь.

Тревога. Эти симптомы были хорошо мне знакомы. Я тяжело сглотнула.

– Думаю, я ничего не чувствую, Лэндон, думаю...

Я не могла говорить. Он обнял меня, и я спрятала голову у него на груди, подавляя рыдания. Это было очень тяжелое время для меня. Меня пугала мысль о том, что я снова стану пустой, о том, что могу онеметь. Перестать рисовать... От одной лишь мысли о такой перспективе в горле вставал

комок. Но с каждым днем эмоций становилось все меньше, и я обнаружила, что встаю каждое утро только потому, что знаю, что должна это сделать. Меня больше не удовлетворяли ни поцелуи незнакомца, ни воспоминания, за которые я цеплялась, когда мне нужно было их нарисовать, излить.

– Тише, Лея. – Лэндон погладил меня по спине.

Я почувствовала легкую дрожь, когда его рука двигалась вверх и вниз. А дальше я не думала – просто позволила себе действовать импульсивно. Я дышала ему в щеку, дрожая от страха, замечая, как хорошо он пахнет, какая мягкая у него кожа... Наши губы соприкоснулись, будто бы естественно. Лэндон покрепче притянул меня к себе, и мы целовались, казалось, целую вечность, не торопясь, просто наслаждаясь поцелуем.

Когда мы начали раздеваться, я почувствовала себя в безопасности. Когда мы опустились на матрас в его спальне, меня охватило чувство комфорта. А ощутив его движения внутри меня, я поняла, что меня любят. Прошло много времени с тех пор, как я испытывала такое, поэтому я прижалась к нему; к его спине, к его дружбе, к его миру, потому что присутствие его рядом было безмятежностью и спокойствием после бури. Через неделю ко мне приехал брат. Мы встретились в тихом кафе, где подавали вкусные сэндвичи с курицей. Заказали два, как обычно, плюс напитки, и тут я увидела, как он потирает затылок и вздыхает.

– Что-то не так? – обеспокоенно спросила я.

– Я... я думаю, что должен тебе сказать.

– Давай. Расскажи мне, что бы там ни было.

– Я снова виделся с Акселем.

Мой желудок сжался, когда прозвучало это имя. Я бы хотела сказать, что оно не вызвало во мне никакой реакции, я бы хотела быть равнодушной к этим пяти звукам, я бы хотела...

– Зачем ты мне это говоришь? – запротестовала я.

– Это справедливо, Лея. Я не хочу, чтобы между нами была ложь. Я даже не планировал этого, просто знаю, что, потусовавшись с Нгуенами на днях, я поехал к ним домой, не думая. Или думая. Потому что с тех пор, как обручился с Беггой, я не могу перестать думать... Она спросила меня о том, кто будет моим шафером, и я... блин...

– Не продолжай. Все в порядке, Оливер.

Он с благодарностью посмотрел на меня. Я понимала, правда понимала.

Я знала, насколько Аксель был важен для моего брата, и я не собиралась вставать между ними, если они хотели что-то вернуть... Но это не означало, что было менее больно. Больно было на протяжении всей трапезы, хотя больше об этом мы не упоминали. Больно было и потом, когда я брела по улице. Боль утихла лишь тогда, когда я дошла до квартиры Лэндона и его руки обхватили меня. Безопасность. Вдали от всего остального. С этого момента мы стали чем-то большим. Я не была уверена в том, что подразумева-

ет это «большее», и не чувствовала себя готовой к тому, чтобы пытаться это выяснить. Мы не были парой, но и просто друзьями не были. Лэндон несколько раз пытался заставить меня поговорить об этом, а я... я просила время.

7. Аксель

Когда она появилась, моросил мелкий дождь.

Я потушил сигарету и присел перед ней. Она была очень худой и тяжело дышала. Я не видел ее несколько недель. Она легла на пол террасы, и я нежно погладил ее по спине. Она тихонько застонала, будто от боли.

– Что случилось, красотка?

Раскосые глаза кошки сузились.

Не знаю, как и почему, но я понял ее.

Я понял, что она пришла, чтобы умереть рядом со мной, провести последние минуты своей жизни в моих объятиях.

Мои глаза заслезились при мысли об одиночестве, о том, каким грубым оно может порою быть. Я сел на пол, прислонившись спиной к одной из деревянных балок, и положил ее к себе на колени. Я медленно гладил ее, успокаивая, провозжая, пока ее дыхание становилось все тише, будто она засыпала... Мне хотелось так думать. Что это была спокойная смерть.

Я оставался там еще некоторое время, наблюдая за дождем, созерцая темное небо той мягкой ночи. Встал, когда

дождь уже перестал моросить. Пошел в дом, порылся в шкафу, где хранились мои инструменты, нашел маленькую лопату. Я копал, копал и вырыл яму гораздо глубже, чем нужно, но не мог перестать копать все дальше. Было уже утро, когда я закончил. Яма заполнилась грязью. С комком в горле я похоронил ее там, а потом засыпал землю обратно.

Пошел домой, встал под душ и закрыл глаза.

Приложил руку к груди.

Мне все еще было трудно дышать.

8. Аксель

– Ты плохо выглядишь, – обеспокоенно сказал Джастин.

– Я мало спал. Моя кошка решила, что ей лучше умереть в моем присутствии, чем одной.

– Забавно, что впервые ты называешь это животное своим собственным только после того, как ее не стало, – задумчиво проговорил брат, осушая второй стакан.

Я фыркнул, допил заказанный чай и, неопределенно попрощавшись, вышел из кафе. Пройдя в галерею, некоторое время рассматривал картины, висевшие на стенах, размышляя о тайнах, сокрытых в каждой мазке, о том, как каждая работа выражает мысли, эмоции, что-то человеческое, запечатленное на холсте навсегда. Я сглотнул, задаваясь вопросом о том, почему мне это никогда не удавалось. Вот это вот. Рисование. Оставление частичек себя на холсте.

– Ого, ты сегодня рано, – улыбнулась мне Сэм.

– Давай помогу. – Я взял две сумки в руки и проводил ее в кабинет. Щеки Сэм покраснелись. Я засмотрелся на стены в этом ее углу, которые почти иронично были заполнены более... любительскими работами. Улыбнулся последнему рисунку, который она повесила рядом с другими: на нем цветными мелками были изображены пять фигур, под которыми можно было прочесть посвящение, написанное неровным детским почерком: «Для самой лучшей мамы в мире».

– Далеко пойдет! – пошутил я, указывая на рисунок.

– Я бы согласилась и на то, чтобы мне дали просто поспать одну ночь больше двух часов подряд.

– Важный момент, о котором нужно подумать, прежде чем не надеть резинку.

– Аксель! – Она расхохоталась и запустила в меня ручкой.

– Домогательства на работе? – Я поднял бровь.

– Ты безнадежен. Давай сосредоточимся. Завтра около десяти я встречаюсь с Уиллом Хиггинсом, чтобы посетить его студию; он говорит, что нам могут показаться интересными некоторые из его новых работ. Надеюсь, что так, потому что последнее, что он сделал... – Она скорчила забавную гримасу.

– Сделай фоток. Хочу это увидеть.

– Не проще будет, если ты пойдешь со мной?

– Я пас. Посетить студию, увидеть все эти картины, терпеть его...

Сэм вздохнула и собрала волосы в пучок.

– Ты самый странный человек, которого я когда-либо встречала в своей жизни.

– И многих ли ты встречала? – спросил я.

– Не слишком. Солнце, ты любишь искусство или ненавидишь?

– Я еще не решил. – Я встал. – Пообедаем вместе чуть позже?

– Конечно. Мне надо кое-что сделать.

Я просмотрел календарь на следующий месяц, работы, которые должны были поступить, и те, которые предстояло выпустить, а также различные художественные ярмарки, которые были запланированы и на которые мы отправили нескольких художников, курируемых нами. Это лучший способ продвижения их работ; это и, конечно, контакты, которые были у Ханса по всей Европе. Через час мы отправились обедать. Сэм часто подробно рассказывала мне о подвигах каждого из трех своих сыновей. Старший учился в школе вместе с моими племянниками, и, похоже, они были хорошими друзьями на поприще все новых и новых шалостей. По словам моего брата Джастина, близнецы унаследовали «плохие гены» в семье, а именно мои.

– В общем, когда я приехала, все трое были по уши в шоколадном сиропе, и я сразу же затолкнула их в ванну, прямо в одежде, чтобы сэкономить время. – Она положила вилку в рот, прожевала и, казалось, стала серьезнее. – А как насчет

тебя, Аксель, тебя не искушает идея завести детей? Они бы-
ли бы очаровательны, с этими твоими маленькими глазками
и хмурым лицом...

– Я? Дети? – У меня сдавило в груди.

– Да. Я же не сказала инопланетяне или динозавры!

– А оно-то, думаю, было бы куда вероятнее.

У Сэм была доля «материнского инстинкта» – отдавать
и дарить. Часто, проходя мимо, она щипала меня за ще-
ку, ерошила мои волосы или подбегала померить темпера-
туру, положив руку мне на лоб, когда у меня болела голо-
ва, что стало происходить чаще. Еще она всегда носила с со-
бой огромную сумку, где лежали всякие полезные штуки:
салфетки, мятные леденцы от боли в горле, носовые платки,
мазь от комариных укусов... Она помешала латте и задум-
чиво взглянула на меня.

– Ты никогда не был влюблен, Аксель?

Вопрос застал меня врасплох. Вспышкой в голове мельк-
нула Лея, одна из множества связанных с ней мысленных
картинок, что там имелись. Улыбка, наполнявшая ее лицо,
ее пронизательный взгляд, ощущение ее кожи на моих паль-
цах...

– Да, очень давно, – хрипло сказал я.

– И что же случилось?

Я неловко пошевелился в кресле.

– Ничего. Так не могло продолжаться, – резюмировал я.

Сэм сочувственно посмотрела на меня и без лишних во-

просов подождала, пока я встану оплатить счет. Затем мы молча пошли в галерею, и каждый из нас занялся своими незаконченными делами. Сэм постучала в мою дверь позже, почти перед самым закрытием.

– Я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

– А почему бы нет? – нахмурился я.

– Я уже ухожу. Тебе что-нибудь нужно?

– Нет. Закрой, когда будешь уходить, я собираюсь остаться еще ненадолго.

– Хорошо. – Она прошла мимо меня, взъерошила мне волосы, будто я был одним из ее маленьких детей, и поцеловала в щеку, а я мурлыкнул в ответ.

Я потер лицо, достал из ящичка свои очки для близости, которые мне стали нужны, когда я уставал, и продолжил читать кое-какие занятные резюме, присланные Хансом. Когда я выходил, уже было темно. Подумал было заехать к брату: меня обрадовало внезапное желание поужинать с кем-то; провести некоторое время с ним, Эмили и детьми, вдали от тишины. Но в итоге отбросил эту мысль и двинул домой.

Я сделал сэндвич и вышел на террасу выкурить сигарету. Без музыки. Без желания читать. Без звезд на пасмурном небе. Без нее. Надо было перестать скучать по ней... Надо...

Декабрь. (Лето. Австралия)

9. Лея

– Давай, позволь мне пойти с тобой. Хочу это увидеть.

Лэндон посмотрел на меня обожающим взглядом, но я отказалась. Я не могла позволить ему войти на чердак, в мой кабинет. Вернее, не хотела. Мысль о том, что он вторгнется в это пространство, пугала меня, потому что это место в некотором смысле принадлежало только мне, туда я входила с открытым сердцем, ничего не скрывая. И не было никого, кому бы я доверяла настолько, чтобы впустить его вот так, ни с того ни с сего, даже если бы это был мой брат.

– Это было бы странно, – настаивала я. – Ты не понимаешь...

– Тогда объясни мне еще раз, – улыбнулся он.

– Это просто... слишком личное.

– Более личное, чем делить с кем-то постель?

«Да, гораздо», – хотела сказать я, но прикусила язык.

– Дело не в этом, Лэндон. Это что-то очень мое.

– А я хочу быть частью всего твоего.

Я почувствовала небольшое давление в груди. Он, кажется, понял, что я немного ошеломлена, и сделал шаг назад, прежде чем мягко поцеловать меня.

– Ладно, извини, увидимся позже?

– Да, я позвоню тебе, как закончу.

Я шла к студии немного погруженная в себя, не обращающая внимания на все вокруг. Поднялась по лестнице старого сдвоенного здания и, добравшись до чердака, ощутила умиротворение. Запах краски. Холсты, смотрящие на меня. Скрип деревянных половиц. Я надела халат и отворила маленькое окошко, то самое, что всегда застревало и в итоге было выбито.

Я снова посмотрела на залитый солнцем лоскут моря на холсте и подумала, что, возможно, картина не соответствует тому месту не из-за самого места, а из-за всего того, что оно значило для меня, из-за того участка пляжа, где я собирала себя по кусочкам, пока снова не сломалась. К счастью, когда это произошло, я разбилась иначе. Не на маленькие осколки, нет. Я просто разломилась на две части. Быстрый, чистый разрыв; это был Аксель.

Я взяла палитру и некоторое время смешивала краски, прежде чем снова взяться за кисть. Глубоко вздохнула, а потом просто рисовала, рисовала и рисовала, пока мой желудок не заурчал от голода. Тогда я решила спуститься на улицу за одним из куриных эмпанадас¹, что готовили в кафе на углу. Вернувшись, села в маленькое кресло и принялась есть, разглядывая картину, краски, то, как свет падает на воду...

В последнее время я все чаще думала об Акселе.

Может быть, потому, что рисовала то, что было им со всех сторон. Море. Необъятное, загадочное в глубине, живописное и прозрачное у берега. Сила волн. И их трусость, когда они облизывают песок, а потом отступают...

А может, я запомнила его не только за это, но и за экспозицию. Потому что в какой-то момент моей жизни – лет до пятнадцати или в девятнадцать, – когда я в него влюбилась, я принимала как данность, что он всегда будет рядом, если я добьюсь того первого успеха. Что в тот день, когда на стене будет висеть моя фотография с табличкой, Аксель будет стоять рядом со мной, гордо улыбаться и говорить что-нибудь глупое, лишь бы успокоить мои нервы.

Но этому не суждено было случиться... И это больно. Больно не оттого, что мы пережили, не оттого, что больше не были парой, а оттого, что его не было больше рядом

¹ Empanadas (*исп.*) – традиционное для испанской и латиноамериканской кухни наименование жареных пирожков с начинкой. Здесь и далее примечания переводчика.

как человека, как друга. И не будет... Я отложила остатки пирога в сторону, когда комок в горле не позволил мне проглотить очередной кусок.

Встала, взяла в руки кисть, а сердце колотилось с напором и мощью. И вместо того, чтобы выбрать немного пастельного голубого, который использовала для неба, я потянулась за более темным оттенком.

Я взглянула на пушистые облака, которые изобразила.

Через несколько часов пейзаж накрыли грозовые тучи.

10. Аксель

Я увидел ее, когда, как обычно, вошел в свою спальню. Это была единственная картина, написанная мной за последние несколько лет. Та, которую я создал вместе с Леей, когда медленно трахал ее на этом холсте, наполняя ее кожу цветом, поцелуями и словами, теперь уже канувшими в забвение. Я рассматривал мазки, хаотично разбросанные пятна. Потом поднял глаза на антресоль и глубоко вздохнул. Я колебался. Как колебался много раз в другие дни. Выйдя из комнаты и взяв в руки доску для сёрфинга, я последовал привычным путем.

11. Аксель

Оливер сидел на ступеньках перед домом, когда я приехал вскоре после наступления темноты. Я поприветствовал его быстрым взмахом руки, и он зашел со мной в дом. Он открыл холодильник, как будто между нами никогда не пропадало доверие, и достал два пива.

Он выглядел довольным и воодушевленным.

– Давай выпьем! – сказал он.

– Ну давай, а какой повод?

– Не хотел тебе говорить, но потом подумал... – Он неловко потер затылок. – Подумал, что это будет справедливо. В этом месяце Лея выставляется в «Красном холме». Три работы всего. Но это большой шаг, ее рекомендовал преподаватель. И я подумал... ты заслуживаешь знать. Потому что, что бы там ни было, это благодаря тебе. – Он протянул руку и столкнул свое пиво с моим.

Но я не двинулся. Не мог это сделать. Не мог...

Я просто стоял и смотрел на него. Ненавидел его. И еще больше ненавидел себя. Я понял: мне было неприятно, что он сказал мне это и что это вызвало столько воспоминаний сразу. Но хуже всего было то, что меня бы еще больше разозлило, если бы он этого не сделал, если бы умолчал. Это не имело значения. Ни один из этих двух вариантов меня не устраивал, и мне было... очень трудно делать вид, что ни-

чего не произошло и что все в порядке.

– Аксель... – Он настороженно посмотрел на меня.

– Когда? – прорычал я себе под нос.

– На следующей неделе.

– Ты будешь там?

– Работаю, не могу.

– Я приду, – это был не вопрос, не предложение. Это было твердое решение. Я собирался, я должен был пойти, должен был увидеть своими глазами.

Оливер поставил пиво на барную стойку.

– Ты не можешь так поступить. Ты хочешь испортить ей день? Я хотел сказать тебе лишь потому, что горжусь тобой, и потому, что, черт возьми, знаю, что ты помог ей, даже несмотря на все остальное... Я много думал об этом в последнее время... – Он замолчал, словно не зная, как продолжить.

– Мне все равно, что ты скажешь. Я пойду.

Его челюсть напряглась.

– Не проси все это снова.

Мое сердце билось сильно и быстро.

– Мне нужна сигарета.

Я вышел на террасу. Оливер последовал за мной. Я прикурил и сделал глубокую затяжку, пытаюсь успокоиться, хотя знал, что мне это не удастся. Потому что это... не давало мне покоя. Вообразить это. Она в галерее, стоит рядом с чем-то своим...

– Почему?

Я не ожидал этого вопроса.

– Потому что мне это нужно... – Я пытался рассуждать как нормальный человек. – Потому что прошла целая жизнь, Оливер, и я не могу не присутствовать в такой момент. Потому что... – «Я все еще люблю ее», – я сглотнул эти слова. – Но ты прав. Я не буду портить ей вечер. Я не стану подходить к ней. Постараюсь, чтобы она меня не видела.

Оливер потер лицо руками и фыркнул.

– Боже, Аксель. Ненавижу это. Ситуацию. Все это.

Я прикусил язык, чтобы не сказать ему, что я думаю, потому что он все еще был частью моей жизни, даже если все стало иначе, холоднее, теснее.

Я потушил окурок. Мы смотрели друг на друга. Я видел в его глазах сомнения, неуверенность. И думаю, что он нашел решимость в моих, ведь в конце концов он отвел взгляд, а потом взял сигарету из пачки, которую держал в руках. И я знал, что, по крайней мере, эту битву я выиграл. Но я не осознавал, что это был один из первых случаев, когда я столкнулся с чем-то лицом к лицу.

12. Лея

Я сделала глоток второго за день травяного чая, но, похоже, особого эффекта это не произвело, потому что я все еще очень нервничала. До открытия выставки оставалось

несколько часов, а я все думала о том, что может пойти не так: сокрушительная критика, равнодушные взгляды, спотыкание о собственные ноги и падение посреди галереи...

Зазвенел телефон. Это было сообщение от Блэр, которая подбадривала меня. Узнав, что она плохо себя чувствует в первые недели беременности, я запретила ей приезжать. И не только ей, но и Джастину и Эмили, которые предложили оставить близнецов у соседей, чтобы ненадолго уехать; я заверила их, что в этом нет необходимости. Я также пыталась успокоить Оливера, который попросил у своего босса еще один выходной, и тот, уже недавно предоставивший ему один на мой день рождения, в этот раз не уступил. Я снова подумала о своих родителях... Мне хотелось, чтобы они были рядом...

Глубоко вздохнув, я пошла в крошечную ванную причесться. Я была одета уже в середине дня, а незадолго до того накрасилась. Я вернулась в спальню, размешала остатки липового чая и допила его одним глотком, как раз когда раздался стук в дверь.

Я обняла Лэндона так крепко, что испугалась, как бы не сделать ему больно.

– Я так нервничаю! – Я показала ему руку. – Смотри. Я дрожу.

Лэндон засмеялся, схватил меня за ладонь и заставил повернуться.

– Не преувеличивай. Ты прекрасно выглядишь. Все будет

хорошо.

– Думаешь? Просто меня тошнит.

– Это блеф или ты хочешь, чтобы я придержал тебе волосы?

– Не знаю. Живот крутит.

Я успокоилась спустя некоторое время, когда Лэндон нарочно завел разговор, рассказывая мне о глупых вещах, которые постоянно делал его партнер по проекту, например приходил на работу в пижаме или засовывал карандаш себе в нос, потому что, по его словам, это заряжало его на креатив. К тому моменту, как до меня это дошло, я уже смеялась и настало время выходить. Я медленно встала и оглядела комнату в поисках своей сумки.

– Я уверена, что забыла что-то важное.

– Ты всегда так говоришь, но всегда оказывается, что нет.

– Но... – Я тревожно огляделась.

– Нам надо идти, Лея. Пойдем.

Я кивнула, все еще испытывая беспокойство, и последовала за ним, мы спустились по лестнице и вышли на улицу. Галерея была недалеко. Мы шли, взявшись за руки, молча, вместе. Я знала, что он будет рядом со мной в этот вечер. И друзья, которые придут позже, и Линда Мартин, моя преподавательница. Я немного успокоилась.

Помещение было небольшим, это не была одна из огромных галерей города, но мне она показалась лучшим местом в мире. У нее была двускатная крыша, зеленая вывеска с на-

званием, а фасад выкрасили в гранатовый.

Галерею пока не открыли для посетителей, поэтому наши шаги по деревянному полу отдавались громким эхом, когда мы шли в первую комнату, откуда доносились голоса.

Линда уже была там. Она улыбнулась мне и представила меня директору галереи и другим людям, причастным к выставке, включая нескольких художников.

Я постаралась расслабиться и приняла напиток, который предложили мне и Лэндону. Следующие полчаса мы болтали друг с другом и бродили по еще пустым комнатам, рассматривая выставленные работы. Когда мы дошли до угла, где висели мои, я вздрогнула. Я потянулась к руке Лэндона и сжала его пальцы.

Мы с Линдой долго обсуждали, какие три картины выбрать. Это было нелегко, потому что в моей голове застряла одна идея, а ей было трудно осознать ее важность для меня. Когда я посмотрела на стену со своими картинами, я впервые почувствовала гордость за себя. Я ощутила, как дрожат мои колени.

Первая картина была выполнена исключительно в темных тонах. Глубокая ночь. Разбитое сердце. Злость. Непонимание. Страх.

Вторая была горько-сладкой: некоторые светлые мазки были полны решимости, а другие – более приглушенными, как будто поглощенными самим холстом. Ностальгия.

Третья была светом. Но светом настоящим, с его тенями.

Надежда.

У них не было отдельных названий. Я назвала все три вместе «Любовь».

Краем глаза я посмотрела на Лэндона и подумала, поймет ли он их смысл. Однажды, когда мы были еще просто друзьями, я попросила его рассказать, что он видит на картине, которую я ему показала, но он не смог разобраться в запутанных линиях. Я не винила его, потому что понимала, что они не имеют того же смысла для человека, который видит это со стороны. Ведь он не мог чувствовать эти линии так же; может быть, по-другому, да, но не так же.

Начали прибывать посетители. Я чувствовал себя спокойнее, когда комнаты заполнялись и вокруг меня раздавались голоса. Мои друзья появились чуть позже, и Лэндон оставил меня наедине с профессором Мартин, чтобы мы поговорили, пока он проводил друзей в соседний зал.

– Два человека уже спрашивали о них.

– Правда? Кому может хотеться?..

– Иметь что-то из твоего? – перебила меня Линда. – Ты поймешь.

Я нервно потирала руки, когда к нам подошел помощник директора галереи и завязал разговор с моей преподавательницей. Я стояла между ними, не зная, что сказать или сделать. Я не решалась выйти в другую комнату, чтобы взглянуть на реакцию посетителей, рассматривающих мои картины; я боялась.

Я глубоко вздохнула, потому что худшее было позади.

И тут я почувствовала его. Не знаю как. Прямо кожей. Телом. Сердцем. Сколько требуется ударов сердца, чтобы узнать человека? В моем случае понадобилось шесть. В течение двух первых я была парализована, как в тот момент, когда кажется, будто мир внезапно затихает. Еще три удара я решалась повернуться, потому что сделать это было страшно. И один... только один, чтобы наткнуться на эти голубые глаза, которые будут преследовать меня всю оставшуюся жизнь.

А потом я не двигалась. Не могла это сделать.

Наши взгляды медленно сплелись.

И началось головокружение. Словно падение в пустоту.

13. Аксель

Я не собирался с ней пересекаться, но увидел ее сразу же, как только вошел в галерею. У меня перехватило дыхание, будто резко ударили в живот. Лея стояла спиной ко мне. Я вспомнил, как целовал ее в шею, прежде чем обнять, когда мы готовили ужин на кухне; или на террасе, когда я подходил к ней сзади. Я заметил, что ее светлые волосы убраны назад в тугий пучок, хотя некоторые мягкие пряди уже освободились от резинки и шпилек, которые удерживали их на месте.

И тут, словно почувствовав меня, она повернулась.

Она сделала это медленно, очень медленно. Я стоял непо-

движно посреди зала. Мы встретились взглядами. Молча смотрели друг на друга, и я чувствовал, как все вокруг нас исчезло: голоса, люди, мир. Затем я сделал шаг вперед, почти не осознавая этого, как будто что-то тянуло меня к ней. И еще один. И еще. Пока не оказался перед ней. Лея не сводила с меня глаз: дерзкий, опасный, жесткий взгляд.

Я затаил дыхание. В горле стоял комок. Мне хотелось что-то сказать, черт, что угодно. Но что можно сказать женщине, которая дала тебе почувствовать все, пока ты не вырвал ее сердце? Я не мог найти слов. Мог только смотреть на нее, и смотреть на нее так, словно она собиралась исчезнуть с секунды на секунду и мне нужно было сохранить этот образ в голове как можно четче.

Я смотрел на изгиб ее шеи. На ее дрожащие руки. На ее рот. На этот рот.

Как раз в тот момент, когда я нашел в себе мужество постараться подать голос, женщина рядом с ней вдруг повернулась и крепко взяла Лею за руку.

– Пойдем, мне нужно познакомить тебя с некоторыми людьми.

Она бросила на меня последний пронизывающий взгляд, прежде чем удалиться в другой конец комнаты. Я был почти благодарен за вторжение, потому что... мне нужно было взять себя в руки.

«Дерьмо». Все пошло наперекосяк.

Я беспокойно переместился, посмотрев на некоторые кар-

тины, пытаясь успокоиться. Прошел в следующий зал. Здесь был потенциал, в некоторых работах больше, в других – меньше. Я сосредоточился на этом, на их анализе, чтобы не думать о ней, о том, что она всего в нескольких шагах от меня и что я не совсем уверен, что ей сказать.

Я застыл на месте, когда увидел их. Мне не нужно было подходить ближе, чтобы прочесть имя и понять, что они принадлежат Лее, потому что эти мазки я мог бы узнать где угодно. Не помню, как долго я стоял и смотрел на эти три картины, но, ощутив ее присутствие рядом с собой, я вздрогнул и резко вдохнул.

– «Любовь», – прошептал я название композиции, и мне показалось ироничным, что это было первое слово, которое я в итоге сказал ей после трех долгих лет отсутствия. – Боль. Тоска. Надежда.

Мы оба не отрываясь смотрели на полотна.

– Очень чутко, – прошептала она тихо, едва слышно.

Я испытал какое-то давление в солнечном сплетении и приложил руку к груди. Я заморгал. Я не мог вспомнить, чтобы когда-либо плакал в своей жизни. Помнил лишь, как эмоции порой накатывали, оказываясь на грани переизбытка, однако мне всегда удавалось их контролировать. Но тем вечером, перед этой «Любовью», которая когда-то была нашей, я заплакал. Одна слеза в тишине. И это было не от грусти, а совсем наоборот. Я сказал ей хриплым голосом:

– Я горжусь тобой, Лея.

14. Лея

Я закрыла глаза, когда его слова пронзили меня насквозь и, заполнив меня, остались внутри. Это «Я горжусь тобой», которое я ненавидела и любила почти одинаково. Мне пришлось собрать все оставшееся мужество, чтобы осмелиться посмотреть на него. Глаза Акселя были немного покрасневшими, и я... я не знала, что

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.